

Specifics of the relationship between role identity and self-esteem in adolescents with mental retardation

S. B. Perevozkin¹, J. M. Perevozkina¹, E. V. Veterok¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Viluiskaya str., Novosibirsk 630126, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the study of the relationship between role identity and self-esteem in adolescents with intellectual disabilities. The article provides a theoretical overview of modern research on role identity and self-esteem, including in adolescence. In order to study the specifics of the relationship between self-esteem and role identity of boys and girls in adolescence with mental retardation, the projective method «Kaleidoscope» (Yu.M. Perevozkina, L. V. Panshina (Zinoviev), O. O. Andronikova, N. V. Dmitrieva) and the method «Dembo-Rubinstein» (modified by a.m. Parishioners) were used. The collection of empirical data on the described methods was carried out in the municipal state educational institution of Novosibirsk «Special (correctional) school No. 1». The sample size was 59 adolescents with mild mental retardation, including 28 boys and 21 girls. The age range ranged from 12 to 17 years. The structural-psychological method of A.V. Karpov was used to determine the specifics of correlation. The results of the study indicate a predominance of self-assessment criticality in adolescents with reduced intelligence and identity to roles related to a later age period. This trend suggests that overestimated self-esteem is associated with infantile roles, while role models of the next age period are associated with reduced self-esteem. It is also found that the role structure of mentally retarded adolescents is disintegrated. Their roles are included in the structure of the personality not based on the analysis of expectations and comparison with their own needs, but are imitated on the basis of external signs. This manifests itself in difficulties associated with role behavior and socialization.

Keywords: role; role identity; self-esteem; adolescence; dysontogenesis; mental retardation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Perevozkin, Sergey B.	E-mail: per@bk.ru Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor
Perevozkina, Julia M.	E-mail: per@bk.ru Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor
Veterok, Ekaterina V.	E-mail: severus.snegg.1997@gmail.com Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Специфика взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью

С. Б. Перевозкин¹, Ю. М. Перевозкина¹, Е. В. Ветерок¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Статья посвящена изучению взаимосвязей ролевой идентичности и самооценки у подростков с нарушением интеллекта. В статье приводится теоретический обзор современных исследований ролевой идентичности и самооценки, в том числе в подростковом возрасте. С целью изучения специфики взаимосвязи между самооценкой и ролевой идентичностью мальчиков и девочек в подростковом возрасте с умственной отсталостью применялась проективная методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Паньшина (Зиновьева), О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева) и методика «Дембо-Рубинштейн» (в модификации А. М. Прихожан). Сбор эмпирических данных по описанным методикам осуществлялся в муниципальном казенном общеобразовательном учреждении г. Новосибирска «Специальная (коррекционная) школа № 1». Объем выборки составил 59 подростков с легкой степенью умственной отсталости, из них 28 мальчиков и 21 девочка. Возрастной показатель варьировался от 12 до 17 лет. Для установления специфики корреляции использовался структурно-психологический метод А. В. Карпова. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании критичности в самооценке у подростков со сниженным интеллектом при идентичности к ролям, относящимся к более позднему возрастному периоду. Указанная тенденция позволяет говорить, что завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода связаны со сниженной самооценкой. Также обнаружено, что ролевая структура умственно отсталых подростков носит дезинтегрированный характер. Их роли включаются в структуру личности не на основе анализа экспектаций и сопоставления с собственными потребностями, а имитируются на основе внешних признаков. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением и социализацией.

Ключевые слова: роль; ролевая идентичность; самооценка; подростковый возраст; дизонтогенез; умственная отсталость

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перевозкин, Сергей Борисович	E-mail: per@bk.ru Кандидат психологических наук, доцент
Перевозкина, Юлия Михайловна	E-mail: per@bk.ru Кандидат психологических наук, доцент
Ветерок, Екатерина Владимировна	E-mail: severus.snegg.1997@gmail.com Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования. В современном социокультурном пространстве актуализируются проблемы развития ролевой идентичности как фактора психосоциального благополучия личности. Современное об-

щество характеризуется индивидуализацией, относительностью ценностей и перестройкой социальных систем, что приводит к трансформации идентичности личности. В настоящее время ролевая идентичность рассматривается

в ряде зарубежных исследований, в то время как на российской выборке исследования носят фрагментарный характер. Тем не менее ролевая идентичность как ведущий психологический феномен, обуславливающий специфику принадлежности к определенным социальным ролям, играет важную роль в формировании личности, что особенно важно в подростковом возрасте. При этом наибольшие сложности с развитием ролевой идентичности возникают у подростков с умственной отсталостью, что может оказывать влияние на формирование их личностных структур, в том числе самооценки. При этом на современном этапе развития науки в зарубежных и отечественных научных источниках не раскрыта проблема взаимосвязи ролевой идентичности и самооценки у подростков с умственной отсталостью, что обуславливает актуальность данного исследования.

В зарубежной науке идентичность рассматривается не как статическая сущность, которая остается неизменной на протяжении онтогенеза, а как сложная, неоднородная личностная структура, зависящая от изменения жизненных обстоятельств и психологических потребностей. М. Littlefield [1] отмечает, что ролевая идентичность играет ведущую роль в психосоциальной адаптации личности. Автором было проведено исследование взаимосвязи между ролевой идентичностью и стрессом, чтобы прояснить его адаптивную ценность. Результаты исследования показали, что ролевая идентичность является фактором психосоциального благополучия субъекта.

Исследование D. Reitzes [2] показало, что ролевая идентичность определяет самооценку личности в различных социальных ситуациях. Автор отмечает, что, в то время как роль может служить точкой отсчета для идентичности, ролевая идентичность зависит от поведения и реакций других людей. Автор изучал взаимосвязь ролевой идентичности с самооценкой личности и развитием эго у лиц женского пола. Результаты анализа самооценки показали, что андрогинные и маскулинные женщины обладают более высокой степенью самооценки, чем фемининные женщины. Уровень развития эго у андрогинных женщин существенно не отличался от уровней развития эго у женщин с другими типами идентичности, но был значительно выше, чем у мужчин.

J. Huttunen [3] подчеркивает, что формирование идентичности является центральной задачей развития в подростковом возрасте, но достижение идентичности не происходит в данный возрастной период. При этом, помимо прогрессивного развития в направлении достижения идентичности, субъекты могут переходить в различные статусы идентичности и выходить из них в различных паттернах изменчивости. Таким образом, формирование идентичности оказывается сложным, нелинейным процессом. Формирование идентичности личности неоднородно и происходит с разной скоростью в разных сферах в зависимости от интересов и окружающей среды индивида. Эмпирическое исследование автора было направлено на изучение сходства между ролевой идентичностью подростков мужского пола и ролевой идентичностью их отцов. Также была предпринята попытка определить влияние взаимодействия отца и сына на конкретную природу этих сходств. Результаты исследования показали, что маскулинность подростков положительно коррелировала с маскулинностью отцов и отрицательно – с фемининностью отцов. Эти взаимосвязи укреплялись как доверительностью отношений отца и сына, так и отцовским контролем. Фемининность подростков не коррелировала ни с фемининностью, ни с маскулинностью отцов.

K. Luuskс с соавторами [4] провел исследование, в котором обнаружены взаимосвязи между ролевой идентичностью подростков и идентичностью их родителей. В частности, авторы выявили взаимосвязи между ролевой идентичностью подростков и их матерей, в то время как между подростками и их отцами данные корреляции не были выражены. Авторы обнаружили, что родители могут являться образцом для подражания для подростков в отношении ролевой идентичности. В исследовании H. Brutsaert [5] отмечается, что ролевая идентичность подростков связана с переживанием принятия сверстниками и высокой самооценкой. По мнению автора, как подростки мужского пола, так и женского, обладающие высоким уровнем самооценки, сообщают о более высоком уровне принятия сверстниками и сформированной ролевой идентичности. Позитивная самооценка в подростковом возрасте связана с академической успеваемостью

учащихся и ролевой идентичностью. Авторы отмечают, что ролевая идентичность положительно повлияла на соотношение между восприятием школьного климата и самооценкой подростков на всех уровнях.

Исследование Н. Watanabe [6] было направлено на изучение ролевой идентичности и совладающего поведения в подростковом возрасте. Автор отмечает, что ролевая идентичность относится к восприятию индивидуумами личностного роста и позитивных жизненных изменений путем проведения переоценок негативных событий. Автором обнаружено, что уровень достижения идентичности умеренно коррелирует с позитивным отношением к актуальным жизненным событиям. В частности, выявлено, что позитивное отношение к личностному росту способствует достижению идентичности у подростков. Автор рассматривает идентичность как совокупность автобиографических воспоминаний и рассуждений. Автобиографические рассуждения – это процесс рефлексивного мышления, связанный с переосмыслением личных прошлых событий и соединением настоящего «я» с прошлым и будущим. Таким образом, развитие идентичности связано с процессом создания смыслов для прошлого опыта и себя.

Автором также показано, что, поскольку центральность положительного события – это не просто отражение положительного опыта, а, скорее, результат саморефлексивной деятельности, связанной с этим опытом, подростки с центральным положительным событием демонстрируют более высокие уровни достижения идентичности, чем те, кто извлек достаточную пользу из отрицательного события, которое они считали центральным для своей личности. Это указывает на то, что преобразование прошлого опыта из негативного в позитивный путем серьезного рассмотрения себя и создания позитивных значений может быть более тесно связано с развитием идентичности. Из этого следует, что отрицательный опыт не обязательно приводит к дезадаптации, симптоматике или распространению идентичности, но на самом деле способствует более высокому достижению идентичности, чем положительный опыт, при условии, что из этих событий можно успешно извлечь достаточные преимущества в различных областях.

В исследовании D. Cantor [7] изучается роль, которую групповая психотерапия играет в развитии идентичности у подростков, которым поставлен диагноз «синдром дефицита внимания с гиперактивностью». Решение проблем идентичности является одним из самых сложных периодов для подростков с нарушениями в развитии. Автором обнаружено, что групповая психотерапия становится эффективным средством для подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, поскольку процесс групповой психотерапии позволяет более успешно решить проблемы идентичности по сравнению с индивидуальной терапией.

В отечественных исследованиях ролевая идентичность рассматривается как психологический феномен, который реализуется посредством адаптации как к трансформациям внешней среды, так и к психической реальности [8–10]. О. В. Рубцова [11], анализируя ролевую идентичность в подростковом возрасте, понимает под данным феноменом социо-личностный и социо-когнитивный конструкт, обуславливающий специфику социальной ситуации развития субъекта. Автор отмечает, что данный конструкт объединяет личностные, когнитивные и социальные структуры психики, что детерминирует взаимодействие личности с социальной действительностью. Т. А. Колосовой [12] проведено исследование ролевой идентичности у подростков с умственной отсталостью, которое показало, что данная категория детей в основном презентует себя с положительной стороны, при этом их самоописания менее реалистичны и ограничены настоящим, что свидетельствует о завышенно неустойчивой самооценке и об отсутствии планов на будущее. Также у подростков с умственной отсталостью значительно снижено количество идентификационных характеристик и не сформированы социальные роли, что предполагает несформированность или кризис идентичности, неадекватное принятие себя.

Таким образом, на основании теоретического обзора зарубежной и отечественной научной литературы выявлены специфика и противоречия в понимании ролевой идентичности подростков с умственной отсталостью, а также обнаружена фрагментарность в описании взаимосвязей ролевой идентичности с самооценкой у подростков с умственной отсталостью,

ков будет носить дезинтегрирующий характер. Большинство локальных корреляций между отдельными параметрами самооценки и ролевыми моделями также являются значимыми. Следовательно, они и сами по себе также оказывают друг на друга свое относительно автономное взаимодействие.

Более внимательное рассмотрение полученных взаимосвязей демонстрирует, что завышенная самооценка по параметрам ум и характер в большей степени характерна для мальчиков-подростков, идентифицирующих себя с ролью мальчика. С другой стороны, подростки мужского пола с предпочитаемыми ролями отец и мать имеют сниженную самооценку по таким признакам, как характер, способности и красота. Это свидетельствует о том, что подростки с выраженной ролевой моделью мальчика имеют более завышенное мнение о своем психологическом и физическом здоровье, тогда как подростки мужского пола с выраженными ролевыми моделями матери и отца имеют заниженное мнение о параметрах, составляющих самооценку, о своем характере, способностях, красоте. Такие результаты вскрывают характерную тенденцию: завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода и не соответствующие полу связаны со сниженной самооценкой. В данном случае можно предположить, что ролевая идентичность подростков, имеющих интеллектуальные нарушения с ролями взрослого периода, связана с некоторой критичностью в отношении собственной личности [15–16]. Кроме того, большинство связей, носящих отрицательный характер, обнаружено между ролевыми моделями, относящимися к более позднему возрастному периоду. И наоборот, положительная самооценка по параметру уверенность в себе связана с ролью ребенка, характерной для более раннего возрастного периода.

Интересным фактом было обнаружение подобной тенденции у девочек-подростков с нарушением интеллекта только с ролью ведьмы, имеющей деструктивную направленность. Примечательно, что данная роль имеет экспектации, связанные с уверенностью в себе, напористостью [17]. Вместе с тем в подгруппе девочек-подростков было обнаружено, что ролевая модель ведьмы имеет от-

рицательные корреляции с такими показателями, как характер, способности и авторитет при уровне значимости $p < 0,01$. Это демонстрирует, что девочки-подростки с выраженной ролевой моделью ведьмы имеют заниженное мнение о своем характере, способностях и своем статусе в группе сверстников. С другой стороны, роль трикстера, имеющая также деструктивную направленность, положительно связана с уверенностью в себе ($r = 0,67$ при уровне значимости $p = 0,022$). Основными характеристиками этой роли являются безответственность, отсутствие согласия с общепринятыми моральными правилами и стандартами; беспринципность и склонность к асоциальному поведению [17]. Подобные результаты могут быть связаны с механизмом социального научения. Так, девочки-подростки с умственной отсталостью могут наблюдать агрессивное поведение в своей семье или со стороны сверстников по отношению к себе, а сниженная критичность усложняет адекватную оценку ситуации и возможность использования социально-приемлемых моделей ролевого поведения [18]. Наши данные согласуются с результатами, представленными в исследовательской статье Т. А. Колосовой [19], которая доказала, что неадекватное поведение умственно отсталого подростка обусловлено непониманием социальной ситуации. В этой связи подросток оказывается уязвимым, что и порождает защитное поведение в виде агрессивности и компенсации. Кроме того, нарушение полоролевой идентификации у умственно отсталых подростков детерминировано в большей степени интеллектуальным развитием. Чем выше уровень умственного развития, тем больше разных признаков принадлежности к тому или иному полу идентифицирует подросток [20].

Такой результата свидетельствует в пользу отсутствия способности подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Значит, подростки с нарушением интеллекта чаще отталкиваются от внешних характеристик относительно ролевого поведения и ролевых моделей. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением в частности и в социализации в целом, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают интериоризировать такому под-

ростку общественные ожидания относительно конкретной роли.

Следующие полученные нами результаты также довольно принципиальны в плане исследовательских задач. Структурные индексы демонстрируют, что в обеих подгруппах преобладают дезинтегрирующие тенденции, индекс дивергентности структуры мальчиков – ИДС=14, а у девочек ИДС=10. При низко выраженных индексах когерентности структуры у мальчиков ИКС=4, у девочек ИКС=2 (рис. 2). Такое соотношение приводит к дезорганизованности общей структуры, о чем свидетельствуют полученные индексы организованности структуры – у мальчиков ИОС=-10, у девочек ИОС=-8.

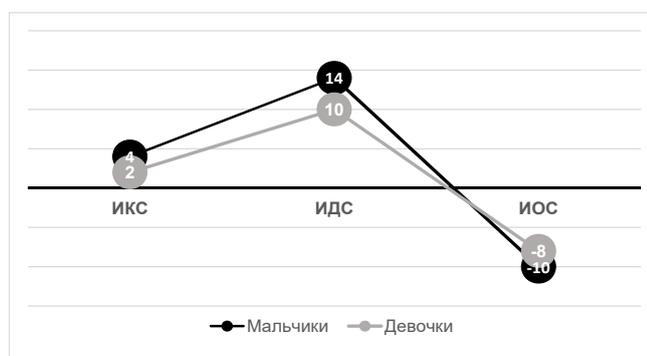

Рис. 2. Структурные индексы самооценки и ролевых моделей в личностной сфере у подростков с умственной отсталостью в зависимости от пола

Сравнительный анализ двух структур программ позволяет сделать следующие заключения. Профиль структурных индексов носит тождественный, дезинтегрированный характер как для мальчиков, так и для девочек. Это означает, в свою очередь, что степень структурированности – своеобразной организованности отдельных параметров самооценки и ролевых моделей – обратно пропорциональна степени умственного развития, которое распространяется как на личностную, так и на социальную сферу. Полученные данные вскрывают очень важную проблему социализации умственно отсталых подростков, у которых сниженная критичность усложняет адекватную оценку ситуации и возможность использования социально-приемлемых моделей ролевого поведения. На подобные трудности указывает и А. Э. Симановский с соавторами [18], отме-

чая прямую связь между освоением ролей и трудностями в социализации у подростков с нарушением интеллекта, детерминированную сложностями символической интерпретации ролевых моделей взрослого. Непонимание социальной ситуации обусловлено сниженной способностью подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Они в большей степени ориентируются на внешние признаки ролевых моделей. Это проявляется в трудностях, сопряженных как с ролевым поведением и формированием адекватной самооценки в частности, так и в социализации в общем, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают подростку с умственной отсталостью успешно встроиться в социальное пространство.

Выводы

В ходе проведенного исследования было определено, что подростки с умственной отсталостью характеризуются неадекватно завышенной самооценкой. Это объясняется стремлением компенсировать ненормативное развитие, а также отсутствием необходимого интеллектуального развития для объективной оценки себя и своих возможностей.

Большинство связей, носящих отрицательный характер, обнаружено между ролевыми моделями, относящимися к более позднему возрастному периоду, и самооценкой умственно отсталых подростков. И наоборот, положительная самооценка связана с ролями, относящимися к раннему возрастному периоду. Полученные результаты свидетельствуют о преобладании критичности в самооценке у подростков со сниженным интеллектом при идентичности к ролям, относящимся к более позднему возрастному периоду. Указанная тенденция позволяет говорить, что завышенная самооценка связана с инфантильными ролями, тогда как ролевые модели следующего возрастного периода связаны со сниженной самооценкой.

Ролевая структура умственно отсталых подростков носит дезинтегрированный характер. Они остаются в ролевом развитии на стадии дошкольников или младших школьников, когда роли включаются в структуру личности не на основе анализа их экспектаций и сопоставления с собственными потребностями, а имитируются, основываясь на внешних признаках.

Такой результат свидетельствует в пользу сложности подростков с умственной отсталостью дифференцировать ролевые экспектации и связывать их с определенной ролью. Это проявляется в трудностях, сопряженных с ролевым поведением в частности и в социализации в целом, когда нарушения в интеллектуальном развитии мешают понять подростку общественные ожидания относительно конкретной роли.

Ссылки

1. Littlefield M. B. Gender Role Identity and Stress in African American Women // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2004. Vol. 8, no. 4. P. 93–104.
2. Reitzes D. C. Role-Identity Correspondence in the College Student Role // *The Sociological Quarterly*. 1981. Vol. 22, no. 4. P. 607–620.
3. Huttunen J. Father's Impact on Son's Gender Role Identity // *Scandinavian Journal of Educational Research*. 1992. Vol. 36, no. 4. P. 251–260.
4. Intergenerational associations linking identity styles and processes in adolescents and their parents / K. Luyckx, S. J. Schwartz, J. Rassart, T. A. Klimstra // *European Journal of Developmental Psychology*. 2016. Vol. 13, no. 1. P. 67–83.
5. Brutsaert H. Gender-role identity and perceived peer group acceptance among early adolescents in Belgian mixed and single-sex schools // *Gender and Education*. 2006. Vol. 18, no. 6. P. 635–649.
6. Watanabe H. Association between benefit-finding and identity development in adolescence: are there benefit-finding domains related to high identity achievement? // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2019. Vol. 24, no. 1. P. 62–73.
7. Cantor D. The Role of Group Therapy in Promoting Identity Development in ADHD Adolescents // *Journal of Psychotherapy in Independent Practice*. 2000. Vol. 1, no. 2. P. 53–62.
8. Ветерок Е. В. Особенности сенсомоторной интеграции у нормативно развивающихся подростков и подростков с измененной сексуальной ориентацией // *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2010. Т. 1. № 1. С. 149–153.
9. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Взаимодетерминация учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности // *ПНиО*. 2019. № 4 (40). С. 225–235.
10. Перевозкина Ю. М., Ветерок Е. В., Дмитриева Н. В. Репрезентации сексуальности и психотерапевтическая работа с ними // *Развитие человека в современном мире: сб. науч. тр. / Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2016. С. 168–177.*
11. Рубцова О. В. Сюжетно-ролевая игра как средство развития ролевой идентичности старших подростков // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2012. № 1. С. 26–35.
12. Колосова Т. А. Специфика самоидентификации у старших подростков с умственной отсталостью // *МНИЖ*. 2013. № 8-2 (15). С. 130–132.
13. Карпов А. В. Метакогнитивные детерминанты психического выгорания в профессиональной деятельности // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 6 (42). С. 322–337.
14. Симановский А. Э. Гендерная социализация детей с задержкой психофизического развития и нарушением интеллекта: монография. Ярославль: Канцлер, 2020. 146 с.
15. Перевозкин С. Б., Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М. Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии // *Вестник НГПУ*. 2018. № 1. С. 23–44.
16. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Мотивационно-ролевые модели социализации в подростковом возрасте // *Развитие человека в современном мире*. 2020. № 1. С. 49–59.
17. Перевозкина Ю. М. Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 307 с.
18. Особенности социально-ролевых семейных установок у детей с нарушениями интеллекта / А. Э. Симановский, С. Н. Воронина, Н. С. Сиротина М. И. Климьчева // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 4. С. 151–156.
19. Колосова Т. А. Гендерный аспект структуры защитного поведения подростков с легкой степенью умственной отсталости // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012. № 9. С. 65.
20. Каштанова С. Н., Николаева А. Н. Исследование полоролевой идентичности у подростков с умственной отсталостью // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. С. 15–44.